Текст · 25 июля 2022, 07:38
«Новая вкладка»,

«Копали себе ямки и спали в земле с муравьями и тараканами». Вторжение в Черниговскую область глазами одного артиллериста

Вечером 23 февраля 26-летний артиллерист Матвей Семенов[1] сел в военный грузовик в Смоленской области, где его часть официально находилась на российско-белорусских учениях «Союзная решимость — 2022». Матвей быстро уснул и проснулся уже в Беларуси: их колонна остановилась в поле, где были выстроены орудия, стрелявшие в сторону границы с Украиной.

«Это был первый шок, — вспоминает Матвей. — Мы вылезли из КамАЗа. Нам сказали, что началась война, Россия объявила войну Украине».

«Армейский тупизм» и «театр абсурда»

В 2020 году Матвей окончил один из вузов Западной Сибири, но не смог найти работу по специальности. Тогда Матвей поехал в ближайшую военную часть и подписал контракт на два года. Решил, что лучше служить возле дома, получать зарплату и на выходных видеться с родными. «Хотя это не моя стихия. Я маленько другой человек, нежели тот контингент, который в части находится. Скоро мои мучения закончатся», — признается Матвей. Срок его контракта истекает в начале осени.

Первые полтора года службы в артиллерийской бригаде, вспоминает Матвей, он «сидел в канцелярии, заполнял документы». Всего два раза был в наряде и два раза стрелял из автомата. Но в отличие от срочников, которым обычно дают сделать лишь несколько выстрелов, контрактник Семенов оба раза расстрелял полный магазин патронов. По словам Матвея, какие-то полезные качества в армии он все же приобрел, но с «армейским тупизмом» ему сложно смириться до сих пор.

«Театр абсурда заключается в том, что все меняется в течение пяти минут. Сначала говорят одно, потом другое. Ты привык на гражданской жизни, что у тебя все четко, а в армии все не так работает, — объясняет Матвей. — Самый яркий пример: срочно едет генерал или полковник с проверкой, и вся бригада бегает, кипишует, порядок наводит, чтобы все красиво было. А в конечном итоге генерал приезжает, не смотрит и уезжает. Или не приезжает вообще, и ты думаешь: зачем все это было?».

Как «театр абсурда» Матвей описывает и то, что происходило с ним и другими военными после переброски в Украину.

«Вечером 23 февраля офицеры сказали такую фразу: "Россия не агрессор". Мы с ребятами похихикали»

Группу контрактников из части Матвея Семенова командировали в Смоленскую область на учения еще в декабре — на фоне сообщений, что Россия стягивает войска к границам с Украиной. Сам он только к концу января с другой группой военных присоединился к ним в Ельне, городе в 130 километрах от границы с Беларусью. Для Матвея, всю службу просидевшего за компьютером, эта командировка стала неожиданностью.

Он вспоминает, что их палаточный лагерь в лесу замело снегом, приходилось его раскидывать и «наводить подобающий для армии порядок: кантики-[2] и все остальное из этого рода». Спали на двухъярусных деревянных нарах, которые строили сами. На нарах лежали матрасы с синими армейскими одеялами, но белье было «сырое, гнилое, тухлятиной уже воняло». Чтобы можно было спать, солдаты стелили поверх одеяла казенные пенки и спальники — «и уже хорошо».

В это время по сослуживцам пошел слух, что их «ждет Украина», говорит Матвей. Сам он был уверен, что войны с Украиной не будет, и даже спорил об этом с одним из старших офицеров. Тогда, в середине

января, представители российской власти постоянно повторяли: Россия не намерена нападать на Украину.

Но уже в начале февраля прибывшим в Ельню солдатам начали выдавать боевые защитные комплекты: каски, бронежилеты. Обмундирование выдавали в течение двух недель, вспоминает Семенов, прапорщики получали его «то тут, то там», привозили партиями и раздавали. Экипировка, говорит он, была в идеальном состоянии. Тогда же провели занятия по медицинской подготовке, рассказали, как «правильно выпрыгивать из военной техники».

После учений пришел приказ перемещаться в другой лагерь. Так Матвей вместе с сослуживцами оказался в окрестностях Новозыбкова в Брянской области, города в 30 километрах от Беларуси и в 45 километрах от Черниговской области Украины. На следующий день Владимир Путин признал ЛНР и ДНР суверенными государствами в границах Донецкой и Луганской областей, только часть территории которых контролировали самопровозглашенные республики.

Матвей вспоминает, что в лагере под Новозыбковом солдаты уже не сомневались, что «что-то начнется». Командование давало минимум информации, все слухи обсуждали между собой. «Еще когда мы были в Смоленской области, командир дивизиона говорил о том, что вероятность "захода за ленточку"[3] очень высокая, — рассказывает он. — Есть несколько стадий, и вот сначала было отрицание. Мы полностью от этого отказывались: "Нет, ничего не будет, ничего не будет!"».

Через два-три дня их артиллерийская бригада выехала из лагеря и поставила новый в лесу, на 30 километров ближе к белорусской границе. В этом третьем лагере им дали указание достать снаряжение и привести оружие в боевую готовность. Сослуживцев Матвея и его самого это «напрягало».

«Вечером 23 февраля нас построили офицеры и сказали такую фразу: "Россия не агрессор". Мы с ребятами постояли, такие, похихикали: "Да-да, не агрессор", — с улыбкой вспоминает Семенов. — Ну и все, нам сказали, что будем убывать на белорусскую границу на учения и там стоять. Готовьтесь, ребята, вещей берите минимум».

В рюкзак он сложил бронежилет, каску, разгрузку-[4], комплект сменной формы, туалетную бумагу и салфетки. Туда же влезли несколько пар носков, трусов и две футболки. Снаружи к рюкзаку привязал спальник и теплые ботинки-пенку[5].

«Мы подумали, что съездим на недельку и поедем обратно, — поясняет он. — В бронниках, касках и

с автоматами мы залезли в КамАЗ, и началось движение колонны». Время выезда он не помнит, но колонна двинулась «точно после 21» часа.

Иллюстрация: Mari Msukanidze / Медиазона

«За ленточкой»

Несколько раз ночью Матвей Семенов просыпался от непонятных хлопков, а утром узнал, что это были звуки артиллерийских обстрелов. 24 февраля в семь утра, когда их бригада уже въехала в Беларусь, Владимир Путин объявил о начале «специальной военной операции по демилитаризации и денацификации Украины». Обстрелы украинских городов начались еще ночью, сразу же появились жертвы среди мирных жителей. Российские войска вторглись в Украину не только из всех приграничных областей, но и с территории Беларуси. Оттуда по направлению на Чернигов наступала и бригада Семенова.

«Я не желал, конечно, туда ехать, но деваться некуда было, — говорит Семенов. — Были такие персонажи, которые включили броню и сказали, что никуда не поедут. Но таких были единицы, два человека».

Отказников, по его словам, сначала оставили в Беларуси в ремонтном батальоне (работа сразу же нашлась: два орудия после первого обстрела вышли

из строя), а потом отправили на охрану одного из лагерей возле Новозыбкова.

В тот день бригада Матвея «каталась» вдоль границы с Украиной более четырех часов. Орудия не стреляли, и солдаты не понимали, что будет дальше. Потом они все же зашли на территорию Украины — без сопротивления, «как на параде». Ворота погранпункта, вспоминает Матвей, уже были разбиты военной техникой.

С тех пор батарея была в постоянной боевой готовности. По словам Матвея, все обсуждали происходящее и надеялись на блицкриг: «Зайдем туда, все быстро пройдет, все сдадутся». Но через пару дней стало ясно, что блицкрига не будет. Бригада продвигалась в сторону Чернигова по дорогам и через деревни, артиллеристы постоянно вели обстрелы, но в первые дни «ответка» им не прилетала.

По каким целям велся огонь, Матвей не знает, говорит, что командиру присылали из штаба координаты, а он уже передавал их орудийным расчетам. «Но стреляли, понятное дело, не по жилым домам, а по орудиям противника, складам, заправкам, электростанциям и так далее», — уточняет Семенов.

Жители Чернигова рассказывали «Медиазоне», что город и окрестности обстреляли уже 24 февраля. Но в итоге российские войска не смогли прорваться в город, поэтому взяли его в кольцо и бомбили в течение месяца, в том числе с помощью авиации. Пострадали и окрестные села, к примеру, еще 28 февраля появились сообщения, что из «Градов» обстреляли Киинку и Павловку, взрывы задели

десятки домов. Некоторые села в итоге были разрушены целиком.

«Наша артиллерия стреляла по Чернигову каждую ночь. А мы ее охраняли. В ответ прилетала украинская артиллерия», — рассказывал «Би-би-си» другой российский контрактник Сергей Боков. 23 января Бокова отправили «на учения» к украинской границе, а в ночь на 24 февраля он заехал в Украину на БМП по направлению к Чернигову. Он вспоминал, что впервые попал под обстрел, когда уже продвинулся на 30 километров вглубь страны.

Из-за постоянных обстрелов Чернигов весь март жил почти без воды, отопления, электричества и связи. 3 марта российские военные взорвали мост, который связывал Чернигов с Киевом, так что эвакуировать мирных жителей и привезти гуманитарную помощь стало гораздо сложнее. Чтобы приготовить еду, людям приходилось строить печки из камней и кирпичей во дворах, рубить деревья и разводить костры.

Обстрелы и ответки. «Опять свист дурацкий над головой»

Проведя в движении несколько дней, бригада Матвея перестала постоянно перемещаться и остановилась. Принято считать, что придерживаться подобной тактики командиры российской армии привыкли во время боевых действий в Сирии: стоять на месте и вести огонь, не получая ответного обстрела. «А по правилам артиллеристы должны осуществлять огонь

и перемещать технику, потому что по этой позиции может быть атака», — отмечает Матвей.

К ним первая ответка прилетела через неделю, как раз после попытки переместиться на другую позицию. «Но она была довольно глупая», потому что ее только что покинули другие артиллеристы, объясняет Семенов: «Позиция уже известная, разведанная. Весь личный состав понимал, что ехать в это место глупо, но сказали делать — делаем».

Там они и попали под обстрел. «Это было в лесу, на полпути к Чернигову, — вспоминает он. — Мы пошли на охрану по периметру, когда по нам открыли огонь. Я стою в лесочке, метрах в четырехстах от наших, и слышу над головой свист. Минометы когда через тебя перелетают, они свистят. Вот я слышу свист такой и хлопок резкий. Думаю, наши работают, а потом понимаю, что снаряды ложатся рядом, очень близко и часто. Сержант командует: "В укрытие". И я понимаю, что мы бежим по голому полю метров четыреста, а слева и справа ложатся снаряды противника. Это был первый страх, потому что ты в бронежилете, каске, бушлате, ватнике и с автоматом бежишь, а штаны спадают, потому что уже похудел сильно. Ты их притягиваешь, бежишь, а снаряды рядом ложатся».

При том обстреле никто не пострадал, но командование решило вернуть бригаду на старую стоянку, «что опять же было глупым решением». Через два дня их снова обстреляли.

«Решился пообедать, открыв свой сухой паек. Над головой послышался свист и резкий хлопок следом, — вспоминает Матвей. — Офицеры, которые были

с нами рядом, начали орать, что быстрее нужно в укрытие. Все начали перемещаться, прятаться кто куда, где окопы были. Опять свист дурацкий над головой. Звук от миномета, и снаряды друг за другом падают рядом с нами, никогда так страшно не было».

Он рассказывает, что повернул голову и увидел, как миномет попал в технику у него за спиной. «Некоторые солдаты были без своих бронежилетов и касок, — продолжает Матвей. — Потому что они в технике постоянно, а в броне там не всегда удобно. Некоторые пренебрегают мерами защиты и ходят без защиты, и это сыграло злую шутку: человек находился рядом с техникой и погиб. Получил осколок, а спасти уже не смогли. Это, наверное, был самый страшный день. В этот день около десяти человек пострадало, кого-то ранило осколком, а кто-то погиб во время обстрела».

Когда обстрел закончился, раненых погрузили в КамАЗы и эвакуировали в госпиталь, располагавшийся тогда в одной из захваченных украинских деревень под Черниговом. Там же, по словам Семенова, находилось высшее командование и почти все средства противовоздушной обороны. В госпитале оказывали первую помощь, после чего раненых отправляли в Москву.

Матвей говорит, что все раненые сослуживцы получили от государства по 3 млн рублей, купили себе квартиры на эти деньги и сейчас уже собираются на второй заход в Украину — со стороны Донбасса. Такие выплаты положены за ранение, контузию или травму во время «спецоперации» в Украине. Семьям

погибших военнослужащих выплачивают по 7,4 млн рублей.

После того второго обстрела бригада Матвея несколько раз меняла позицию, по ним стреляли снова и снова. Артиллерист вспоминает, что над головами, «как у себя дома», летали вражеские беспилотники. Сбивать их было нечем, кроме автоматов — средств ПВО у батареи не было. Но дроны кружили на высоте от 700 метров, и попасть из автомата по ним было невозможно.

«Переезжали три дня подряд, — говорит он. — Только окопы выроем — опять стреляют. Я уже вылезаю из окопов, у меня сердце болит, бьется с огромной скоростью. Говорю: "Может, хватит уже?"».

В один из дней ВСУ прямым попаданием уничтожили комплекс артиллерийской разведки семейства «Зоопарк», который занимается отслеживанием выстрелов из вражеских орудий, рассказывает Матвей. Он говорит, что работу этого легко обнаруживается приборами противника, поэтому обычно его ставят подальше от линии огня. Он вспоминает, что первое время бригада просто возила «Зоопарк» с собой — работать с ним никто не умел. Наладка заняла около двух недель.

«Командир поставил систему у нас за спиной, — рассказывает артиллерист. — Она стоит десятки миллионов, а проработала минут сорок, не застала ни одной цели и была уничтожена ракетой. Рядом с такой техникой обычно ставят ПВО, но у нас его не было. На вопрос, почему нет ПВО, командир нам ответил: "Все воздушные силы противника

уничтожены, зачем вам ПВО". Что беспилотники летают над головой, как у себя дома, никого не волновало. Театр абсурда. Слава богу, когда уничтожили этот комплекс, личный состав не пострадал. Такие ситуации не сказать чтобы много, но присутствовали».

Мародерство. «Мешками привозили и хвастались: "Вот у нас новый телевизор теперь появится"»

Почти весь март солдаты, по словам Матвея, прожили в земле: «Копали себе ямки, стелили крышки от ящиков и спали в спальниках в земле с муравьями и тараканами». Контрактника удивляет, что никто из его батареи не болел, хотя была ранняя весна: «Ни соплей, ни кашля — иммунитет работает на максимальном уровне».

Созваниваться с родными и близкими военным было нельзя: мобильную связь пеленговали и сразу же обстреливали «засветившийся» участок. На связь можно было выйти через коммутатор[6], вокруг которого, вспоминает Матвей, собиралась очередь в десять человек. Для звонка надо было связаться с оперативным дежурным, который набирал на своем мобильном нужный номер, включал громкую связь и клал телефон к трубке.

«Не слышно абсолютно ничего. Максимум успеваешь сказать, что жив-здоров, все в порядке, — рассказывает Матвей. — Ну, и сложновато звонить родным: у матери сразу слезы, она переживает сильно. И у

самого потом целый день подавленное настроение, поэтому даже лучше иногда не звонить было».

В деревнях Черниговской области солдаты забирали вещи из домов местных жителей. Матвей рассказывает, что сперва брали инструменты, необходимые для строительства укреплений: своих пил, лопат и молотков у военных не было. Многие забирали одежду, ведь «уезжали на неделю-две, а в итоге все вылилось в месяц, и чего-то не взяли с собой». Сам Матвей, по его словам, чужих вещей не брал.

Постепенно некоторые солдаты поняли, что «все можно безнаказанно» брать, и начали «шариться», признает он. Стиральные машины и холодильники, по словам Матвея, не брали, но выносили из домов мелкую бытовую технику, телевизоры, одежду, обувь. Из вскрытых гаражей угоняли машины и мотоциклы, часть из них потом вернули на место, но у некоторых сняли запчасти. Матвей Семенов говорит, что угоняли даже трактора.

Побывавший в селах под Черниговом контрактник Сергей Боков тоже рассказывал, что военные из его группы брали одеяла из домов, чтобы делать навесы, и продукты из магазинов. Солдаты из других подразделений, по его словам, прихватывали и ценные вещи. Житель одного из сел Черниговщины рассказывал, что российские военные приехали к нему во двор на грузовом авто и забрали ценные вещи из гаража: телевизор, холодильник, инструменты, два кондиционера и даже замороженную тыкву.

О случаях массового мародерства стало известно после того, как в конце марта российская армия покинула захваченные территории Киевской и Черниговской областей — не только из рассказов местных жителей, но и благодаря тому, что некоторые солдаты стали отправлять награбленное домой.

3 апреля появилось видео из отделения курьерской службы СДЭК в белорусском Мозыре, в этот регион вывели войска из-под Киева. На видео российские военные упаковывали посылки с техникой и вещами. В разные города России из этого отделения отправились грузы весом от 50 до 450 килограммов. Исследование «Медиазоны» показало, что военные отправляли подобные посылки из 13 городов по границе Украины с Россией и Беларусью, всего удалось зафиксировать 4 032 подозрительных посылки общим весом более 58 тонн. Позже некоторые военные пытались объяснить такие посылки тем, что они отправляли домой зимнее обмундирование.

Из Новозыбкова, куда вернулась артиллерийская батарея Матвея Семенова, по данным «Медиазоны», переслали более семи тонн подозрительных грузов. На записанных 4 и 5 апреля видео из местного отделения СДЭК (веб-камеры стоят во многих отделениях компании) можно заметить, как военные два дня подряд упаковывают самые разные посылки.

«Приезжали три-четыре человека, грузили вещи в КамАЗ и уезжали, — рассказывает Матвей о случаях мародерства, которые он видел под Черниговом. — Мешками привозили и хвастались: "Вот у нас новый

телевизор теперь появится". Домой эти вещи никто не отправлял, их отвезли потом в лагерь в России и сложили в палатке. Театр абсурда, но ничего с этим поделать нельзя. Я не видел в мародерстве смысла — зачем? Люди ведь оставили свои дома... Некоторые подразделения, я слышал, магазины зачищали. Мы в некоторые деревни приходили, а там уже брать нечего было. Девять классов образования и ничего за плечами, что они? Им никто не говорил, что воровать плохо, вот они и пошли».

Иллюстрация: Mari Msukanidze / Медиазона

«Соленья-варенья» и командиры, которые «херачат» спирт

После отхода российских войск стала появляться информация об убийствах мирных жителей в занятых городах и селах. Под Черниговом, например, сообщали о расстреле шестерых человек в селе Старый Быков, убийстве двух братьев в селе Довжик и смертях в подвале школы в Ягодном, где военные держали около 130 жителей.

И Матвей Семенов, и Сергей Боков говорят, что ничего не слышали об убийствах мирных жителей.

Командиры, по словам Матвея, выпивали во время боев: брали у медработников спирт и «херачили» его каждый вечер перед сном. Из личного состава потребляли только те, кто старше по званию, и то не в

«бешеных количествах, а чисто расслабиться, потому что морально тяжеловато».

Иногда «водочку» привозили вместе со снабжением из России или Беларуси, говорит он, а в Смоленской области алкоголем солдат угощали местные. Жители занятых сел помогали солдатам и продуктами, привозили в лагерь воду и «соленья-варенья». Матвей рассказывает, что уже в Новозыбкове и Ельне — городках в Смоленской области — люди благодарили вернувшихся из Украины военных и говорили, что если бы не российские солдаты, то сюда пришла бы украинская армия.

«Когда я обратно в свой город приехал, тут уже не чувствуется ничего такого, — размышляет Матвей. — У нас тут все как-то спокойно, жизнь идет своим чередом, никто не думает о войне, будто другое государство».

Вывод войск. «У всех вопрос в голове: "А что это тогда было?"»

В конце марта, так и не взяв ни Чернигов, ни Киев, Россия начала выводить войска из этих областей. Представители Минобороны тогда объясняли отход решением «кардинально сократить боевые действия на Киевском и Черниговском» направлениях. При этом Чернигов продолжали обстреливать еще несколько дней.

30 марта бригада Матвея Семенова и другие подразделения в Черниговской области получили приказ возвращаться в Россию. По словам

артиллериста, и он сам, и его сослуживцы удивились такому решению и сочли его глупым: до Чернигова оставалось всего 16 километров.

«У всех вопрос в голове: "А что это тогда было?". Столько людей погибло, за что? — недоумевает Матвей. — Мы просто сворачиваемся, оставляем позиции и уходим, а людей-то уже никто не вернет».

При этом солдаты радовались возвращению домой. Матвей говорит, что после получения приказа они переночевали, выстроились в колонну и выехали из Украины в Брянскую область. В России достали мобильные и сразу начали звонить родным.

Через несколько дней им объявили, что скоро будет второй заход в Украину. Из гарнизона в 200 с небольшим человек 25 не захотели снова идти на войну и попытались расторгнуть контракт, рассказывает Матвей, в том числе и он сам. Сначала их переубеждали патриотическими лекциями: «О том, как нужно воевать, что русское население ущемляют, там нацизм, нужно спасать своих, давайте лучше сейчас мы пострадаем, чем будут потом страдать наши дети».

«Говорили профессионалы, которые умеют, — признает Матвей. — И да, в тот момент звучало патриотично, появлялась вера, что мы выполняем важную миссию. Но люди все равно хотели отказываться... Потом уже началась другая схема: начали угрожать уголовными статьями, причем необоснованными. За дезертирство, например, которое тут никак было не приплести, за невыполнение приказа».

По его словам, доходило до того, что солдата везли в прокуратуру: «Если он все равно отказывался, то снимали на телефон, как он пишет отказ, называли уголовником, говорили, что он сядет. Люди, которые маленько послабже, прогибались. Из 25 человек, кто сначала отказался, поехали на второй заход в итоге все».

Это типичные методы давления на контрактников, которые отказываются продолжать воевать: уговоры, ругань, угрозы уголовным делом. Например, как писала «Медиазона», одного из сибирских контрактников командир долго оскорблял и требовал от другого офицера, чтобы тот «загрузил» отказника в БТР и силой вывез на фронт. Отцу другого солдата с юга России, военному в отставке, командование написало, что сын «опозорил вас и честь военнослужащего».

Матвею Семенову повезло: ему почти не угрожали, подписывать отказ не пришлось, командиры пошли ему навстречу из-за состояния здоровья и оставили в лагере. Через некоторое время его отправили обратно в часть возле родного города. Остальные его сослуживцы-артиллеристы в начале апреля снова

зашли в Украину, на этот раз через Луганск, и принимали участие в штурме Северодонецка. Матвей говорит, что списывался со своими: «Они говорят, что сейчас легче, чем на первом этапе — хоть что-то хорошее».

После возвращения. «За эти деньги я должен воевать? Это пиздец, гроши!»

Сейчас Матвей Семенов находится в части возле родного города и часто бывает дома. В свои 26 лет он ветеран боевых действий, за это ему положена пенсия в 3 400 рублей, бесплатный проезд и другие льготы.

Семенов говорит, что перед отправкой в Украину им обещали платить 53 доллара в сутки по курсу 82 рубля за доллар. Заплатили в итоге меньше: по курсу меньше 71 рубля за доллар вышло 118 тысяч рублей, сверх этого заплатили 30 тысяч мотивирующих. Матвей считает, что на «гражданке» можно было получить не меньше.

«Я рисковал своей жизнью, у меня за спиной погибли люди, с которыми ты десять минут назад общался, за 118 тысяч. За эти деньги я должен воевать? Это пиздец, гроши! — возмущается он. — А самое смешное — это диалоги солдатских жен в вотсапе. Они там пишут в духе: "Мой выходил на связь, все хорошо". В таком чате жена одного из офицеров агитировала скинуться деньгами на беспилотник и рации. Я с этого очень сильно расстроился: страна находится в спецоперации, богатая страна, вторая армия мира. Люди воюют, получают деньги и должны скинуться, чтобы получить дрон и радейки! Жены

военных реально скинулись, и нам потом радейки и беспилотник привезли. И вопрос: как воевать за такую страну? Поэтому я надеюсь, что вас не мобилизуют».

Сейчас Матвей ждет окончания контракта, чтобы попрощаться с военной службой навсегда. Он решил больше не связываться с госорганами и осваивать гражданскую профессию.

«Что пройдено, то пройдено, — резюмирует Матвей. — Никому такого не пожелаю».

Редактор: Егор Сковорода

---

1. Имя героя изменено по соображениям безопасности. Также изменены некоторые незначительные детали его биографии. Редакции известно настоящее имя героя, его родной город и часть, в которой он служит.
2. Кантиком в армии называют прямые линии — на заправленной кровати, побритой шее, убранном сугробе и чем угодно еще.
3. «Заходом за ленточку» военные сейчас часто называют переход границы с Украиной.
4. Специальный жилет с множеством карманов для более эффективного распределения веса боеприпасов, армейского или технического снаряжения.
5. Имеются в виду утепленные сапоги из легкого непромокаемого материала, популярные среди охотников и рыбаков.
6. Устройство для соединения нескольких абонентов с помощью радиосигнала. Коммутаторы бывают как стационарные, так и полевые.